

Ш а м и л ь К у р я е в

АРЕАЛ ОБИТАНИЯ

С а н к т - П е т е р б у р г А Л Е Т Е Й Я 2 0 1 2

УДК 323(470+571)
ББК 66.2(2Рос)
К 939

Куряев Ш. З.

К939 Ареал обитания. – СПб.: Алетейя, 2012. –320 с.

ISBN 978-5-91419-578-3

Нужна ли русским национальная идея? Чем был для русского народа Советский Союз и что послужило причиной его распада? Почему так живы советские аллюзии в сознании россиян – от правящей элиты до обывателя? В чём истоки униженного положения русского народа в собственной стране? Диалогия «Ареал обитания», первую книгу которой вы держите в руках, не знает снисхождения к устоявшимся стереотипам патриотической мифологии. Но отрезвляющий курс необходим, ибо нельзя бесконечно обманывать себя. Язык книги – остро полемичен, афористичен и близок к разговорному, что делает её интересной для самой широкой аудитории, а масса оригинальных идей, касающихся отечественной истории и современной политической ситуации, – перевернёт привычные представления во многих умах.

УДК 323(470+571)

ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-91419-578-3

© Ш. З. Куряев, 2012

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2012

Наилучший порядок вещей — тот, при котором
мне предназначено быть,
и к чёрту лучший из миров, если меня в нём нет.

Дени Дидро

ВВЕДЕНИЕ

1.

На наших глазах в Российской Федерации закончился длительный период, определяемый ёмким словом «разгосударствление», и наметился долгожданный и многократно обещанный национальный подъём. Доказательством этого служат не те быстрые взгляды, которые бросают по сторонам в храме Христа Спасителя первые лица государства, смотря, какой рукой креститься, а данные ВЦИОМ, показывающие (чаще всего — с неодобрительными комментариями) взгляды, которые возобладали в последнее время в российском обществе.

Сегодняшняя ситуация позволяет провести немало аналогий с концом Русской Смуты 17-го века. Земля однозначно «выстояла» и в настоящее время даже начинает постепенно укрепляться. Но идеологическая (а отсюда неизбежно и политическая) сторона процесса катастрофически запаздывает. Налицо — явный идейный вакуум. Современные россияне не знают, в чем состоит «Русская идея», по той простой причине, что её нет.

Русский народ наконец перестал смотреть в рот Западу и надеяться на него, заниматься самоуничтожением и самооплеванием, поняв свою самоценность. Однако русская общественная мысль продолжает хаотичные метания, не в силах определиться, в какую сторону ей расти после столь долгого погрома.

Речь не идёт об откровенных разрушителях — непримиримых противниках всего русского. С ними всё ясно: это враги по определению. Это те убеждённые и неизменные деструктивные элементы, «ферменты разложения», которые неистребимы и в определённом количестве присутствуют в любой нации, в любую эпоху и при любом режиме (так сказать,

входят в хромосомный набор любого общественного организма). Из их рядов вышло и большинство так называемых «диссидентов» советского периода. Что делать? Как сказал Карамзин, патриотизм требует рассуждения, и потому не все люди имеют его. Куда важнее настроения масс. И показательно, что в новейшее время в обывательской среде слово «патриотический» стало синонимом понятия «принципиальный».

Проблема в том, что после полуторадесятилетнего дурмана 1980-х – 1990-х «коллективное бессознательное» развернулось на 180 градусов и помчалось в прямо противоположном направлении (что, в общем-то, не плохо). Однако столь быстрая «смена вех» занесла его не просто на неподготовленную почву – хуже! Оказалось, что эта «терра инкогнита» полна опасных провалов, ложных троп, ловушек и западней. Как слон, отшатнувшийся от увиденной им ямы, попадает в другую (способ охоты у африканских дикарей), так российское общественное сознание, шатнувшись в ужасе от западнической русофобии, угодило прямо в объятия шовинизма и великодержавия.

Безусловно, то положение, в котором оказался сегодня русский народ, не соответствует требованиям жизни. А противоестественность и нелогичность искусственно проведённых границ бросается в глаза даже при беглом взгляде на политическую карту. Столь очевидное неблагополучие (наряду с просыпающимся национальным сознанием) заставляет поднимать вопрос о средствах изменения «статус-кво» и дальнейших путях русского народа.

В условиях малой ещё пока вовлечённости широких слоёв, в узком круге «пишущих» споры о русском будущем разгораются всё более громко и яростно. Россия сегодня находится в ненормальном положении. Поэтому ограничиться тем, что скорбно поведать, как иные писатели-моралисты, что «у нас нет сил на империю» – это как сказать водителю, что он плохой ездок, потому и врежется в столбы, и что ему лучше бы не садиться за руль. (Не объяснив, что он путает педали, и не указав, на какие когда нажимать.)

С другой стороны, умонастроение немалой части русских людей можно выразить словами известного кинодеятеля о том, что-де нет же сейчас ни поляков, ни французов в Кремле, ни немцев под Москвой, и т.п. Сам факт присутствия подобного «благодушия» среди современных россиян, столь вопиющее непонимание трагизма нашего положения (о котором воистину нужно кричать на всех площадях) не позволяет нам тихо ждать и надеяться на «постепенно крепнущую мощь РФ». Надо ещё предварительно уяснить «Наши задачи»!

Показателем всей степени непонимания ситуации «на верхах» является сохранение в ранге федерального праздника так называемого Дня России. (А в прежнем полуофициальном варианте — «Дня независимости»; у нас всё как у людей!) Когда Россия последний раз зависела от кого-то извне — при царе Владиславе? А на нынешнем пошлом журналистском слэнге это — «День рождения России». Вот так, взяли и выкинули двенадцать веков русской писаной истории! Кстати, на вопрос: «Чему посвящён данный праздник?» — большинство людей отвечают в духе: «Это День примирения в память о 1991 годе, когда в Москву ввели войска». Что ж, учитывая искусственность и надуманность сего торжества, и такому ответу удивляться не приходится.

2.

Нельзя сказать, что власть никогда не пыталась исправить ситуацию на «идейном фронте». Достаточно вспомнить поручение на разработку национальной идеи, данное ещё первым президентом РФ одному штатному кремлёвскому «мыслителю». Однако ничего путного из этой затеи (как и из всех последующих) не вышло и выйти не могло. Ибо всякий раз, когда речь о необходимости разработки национальной идеи заводит руководство РФ, выясняется, что его видение ситуации напоминает проблему исписавшегося беллетриста (мол, надо срочно выдумать что-то новое и интересное, но пока ничего в голову не приходит).

А ведь ситуация, в которой сейчас находится русский народ, настолько нестерпима, что надуманность проблемы отсутствия у власти внятных целей бросается в глаза. Это как если бы к осени 1941-го руководство СССР вдруг озаботилось, на что бы ему вдохновить народ, чем занять умы, — темой уборки урожая или вопросом неуклонного проведения партийной линии в искусстве. К сожалению, пока ни на что большее смелости (или идейной зрелости) у российских властей не хватает.

Остаётся надежда на голос общества. Но тут надо отметить уникальность сегодняшней российской ситуации в сфере идей. Среди «посвящённых» — идёт настоящая бойня. Такой плотности и накала борьбы русская общественная мысль не знала прежде никогда. Однако всё это совершается в узком (можно сказать, профессиональном) клубке. За его пределы, «для масс», — не выходит ничего. Идёт какая-то война в

чёрной дыре. Причина: временная аполитизация и (по-видимому, долгая) дебилизация большей части российского общества.

Отрадно, что хотя бы в самой этой мыслящей среде вызревает постепенное понимание того, в чём на сегодня состоит главный вопрос. Круг тем — постепенно сужается, сходясь к одному (хотя судят о них авторы порой с совершенно противоположных позиций). Что ж, по словам Екатерины Великой, мысли, высказываемые самим ходом событий, зарождаются разом не в одной голове. Беда в том, что происходит весь этот процесс в абсолютно замкнутом кругу. Несколько десятков человек пишут и несколько тысяч их читают. Все они варятся в собственном соку, а вокруг них — глухая стена равнодушной неосведомлённости.

Широкая публика пока довольствуется более грубой пищей для ума. Благо, находится немало желающих предоставлять её в требуемом количестве. Ассортимент предлагаемой ныне читающей публике исторической и политической ереси столь необъятен (и столь же «мелколесен»), что простое перечисление всех существующих направлений было бы трудновыполнимо.

Тем паче, что мутный поток обрушивающейся на головы людей наукообразной информации с каждым годом растёт. От вальжных историков-флюгеров до мрачных кликуш-патриотов, от авторов «ведической» макулатуры и вплоть до участников «проблемных» Интернет-форумов, — все льют в людские умы идейную отраву. Большинство этих идей и версий просто не стоят того, чтобы их тиражировать. Однако нельзя обойти молчанием наиболее характерные примеры и наиболее опасные заблуждения, грозящие увлечь общественное мнение на неверный путь.

Самую респектабельную (и самую идейно бедную) группу составляют официозные «эксперты», с завидным постоянством стремящиеся всегда угадать (и утрировать) правительственное направление. Их проблема усугубляется тем, что порой этого направления ещё не существует. Так что остаётся его «предугадывать» — задача не из лёгких. (Хотя, казалось бы, если уж не этические, то хотя бы эстетические рамки должны сдерживать как-никак людей с высшим образованием!) Но нет, сносят и их в благом служебном рвении. Тут и дерзкие на услугу аналитики, и штатные политологи, ангажированные обозреватели и прочий околовластный планктон.

К ним примыкают (в явной надежде «восполнить число») назойливо тиражируемые рядом периодических изданий поборники идеи якобы неизбежной «глобализации» — на этом основании усердно призывающие русский народ без боя сойти с исторических подмошков. Кстати,

обращает на себя внимание какое-то тотальное «взаимное раскланивание» всех уважаемых идеологов и публицистов. Так и хочется спросить, за что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха. (Очевидно, за то, что хвалит он кукушку.)

Особняком стоят независимые философы, политизированные писатели и прочие производители публицистического самопада. В этом кругу встречаются люди, хотя бы уважающие сами себя. К сожалению, их когорта почти поголовно подпала под власть модных ныне теорий заговора — подлинной болезни историков-любителей (да и некоторых профессионалов тоже). Особенно комичной в данном контексте представляется фигура завязанного конспиролога Дмитрия Галковского — яростно бичующего собратьев по цеху. Впрочем, не стоит удивляться популярности конспирологических теорий среди авторов историко-публицистического жанра. Они-то помнят, что вкус их читательской аудитории воспитан на творениях Эдварда Радзинского, Дюма-отца, Михаила Веллера, Валентина Пикуля и Александра Бушкова!

Да чего ждать от беллетристов, когда находится достаточно «академиков», из которых один доказал, что древнеегипетская цивилизация была цивилизацией русских, поклонявшихся славянской богине Мокошь, а другой — что никакого Египта (как, кстати, и России) вовсе не было. Кто только сейчас не бьётся над проблемой русского пути! Вон — доктор наук Эрнст Мулдашев, изобретатель новой расы сверхлюдей, и то написал книгу «Загадочная аура России. В поисках национальной идеи». (Ну, этот найдёт!) Даже один из исписавшихся профессиональных шутов под старость вдруг решил уйти в науку с целью доказать, что российское государство ведёт отсчёт чуть ли не с 4-го тысячелетия до нашей эры.

В этом ряду нельзя не упомянуть и молодую поросль — «приглашённых историков» на отечественном радио и телевидении (развязных юношей, с лёгкостью необыкновенной, как будто травя анекдоты, рассуждающих о самых сложных вещах). Их общей характерной чертой являются корябющий пошлый тон, небрежная манера подачи материала и постоянные интригующие обороты. Всё — в явном расчёте на невежественную аудиторию, готовую принять как откровение любой бред.

К сожалению, степень исторической неосведомлённости современного российского общества такова, что с неизбежностью оборачивается его полной «идейной незащищённостью», отсутствием у него какого-либо иммунитета против любой наукообразной выдумки, сенсации или

сплетни. Ибо у людей отсутствует та система координат, каковой является историческое знание, и по которой можно проверить всякую новомодную идейную конструкцию.

Переоценить значение знания или незнания истории для общества невозможно. Во-первых, история (как прошлое, являющееся фундаментом настоящего) — влияет на него непосредственно и неизбежно, помимо нашей воли. Именно предшествующая история сформировала всю сегодняшнюю политическую и экономическую реальность. Уже поэтому историю желательно знать. Современное положение русского народа — во многом результат его исторического беспамятства. А все иронизирующие скептики-прагматики, высмеивающие «историзм мышления», — это люди, не понимающие той простой истины, что история нами интересуется, не спрашивая, интересуемся ли ей мы. Все их обвинения в адрес «историзма» подобны обвинению в адрес проектировщика дома, уделяющего большое внимание фундаменту. (Мол, зачем? Этажи-то ведь растут вверх, а не вниз.)

Во-вторых, усвоенное народом мнение о собственном прошлом, о своей «Отечественной истории», — является важнейшей составляющей народного самосознания. Национальное сознание всегда основывалось на исторических воспоминаниях. И в этом плане роль истории (истории как знания) огромна — помимо всех наличествующих политических и социальных реалий, её результатов.

В-третьих, история всегда была инструментом политического воздействия. Не зная её, мы оказываемся безоружными перед любым фальсификатором или просто хулиганом от истории. Часто «историческая карта» разыгрывается спекулятивно, в сиюминутных политических целях, — для сбивания с толку оппонентов, введения в заблуждение избирателей, стравливания народов. История — важная часть идеологии, а следовательно — важный козырь в битвах за умы современников. Хотя бы помня об этом, нельзя позволять своим противникам использовать против себя потенциал исторического знания. История — безусловно, та область, где нельзя проиграть ни одной битвы врагу.

3.

А что же — официальная наука? Вот кто, казалось бы, должен дать отпор нынешней безответственной публицистике и продажному «экспертному сообществу». Однако ситуация в ней заставляет вспомнить

фразу «Врачу, исцелися сам». Сейчас, когда проблемы дня сегодняшнего заставляют постоянно обращаться к истории – отечественная историческая наука ещё находится под гнётом тяжёлого советского наследия.

Прежде всего, органическим и неустранимым пороком истории (в сравнении с любой другой наукой) является личность самого исследователя. По большому счёту, история находится в руках далёких от практической жизни профессиональных теоретиков, которые судят о выдающихся людях и грандиозных свершениях – сами не совершив на своём веку ничего более выдающегося и грандиозного, чем защита учёной диссертации.

Трудно представить себе, скажем, доктора медицинских наук, за всю свою жизнь не вылечившего ни одного больного и даже никогда не подходившего к нему близко. В сфере «исторического знания» ситуация иная. Как общее правило, историки (по определению призванные изучать события макро-масштаба) – это люди, никогда не принимавшие никакого участия в реальной государственной жизни и в делах управления. Отсюда – их специфический «профессиональный дилетантизм». Чего стоят все их высокоучёные суждения и воззрения, обычно становилось ясно, как только они (в результате экстраординарных событий) дорывались до практической деятельности. Яркие образчики таких историков-политиков явила Русская революция – достаточно вспомнить великоросса Милюкова, белоруса Довнар-Запольского или украинца Грушевского.

Кроме того, поскольку история официально не призвана отвечать на вопрос «Что делать?», то она и на вопрос «Кто виноват?» редко когда давала удовлетворительный ответ. Отсюда – свойственный исторической науке бескрылый позитивизм. (А ведь для нас сейчас мало – с грозным ветхозаветным кликушеством констатировать тот факт, что мы остались у разбитого корыта, и сокрушаться по поводу того, что оно «совсем раскололось».)

Что до невольного следования истории по указанному Ницше пути «пророчества навыворот», то именно из-за него историки привыкли видеть события только в обратной перспективе (как в зеркало заднего вида) и не принимают альтернатив уже свершившимся историческим фактам. Можно сказать, что истина пишется на ребре истории, но официальная историография кладёт ее либо орлом либо решкой. И уж потом ни за что не согласится, что монета могла упасть другой стороной! Всё это – внутренние, так сказать, «онтологически свойственные» исторической науке пороки, не говоря уже о прямом давлении государственной идеологии (конечно, когда таковая имеется).

Единственное, что можно сказать в оправдание «профессиональным теоретикам», — это то, что ещё худшими историками оказываются вышедшие на покой «практики». Большинству из них катастрофически не хватает не только теоретической подготовки, но и элементарной эрудиции. К тому же, их исторические труды, как правило, имеют совершенно конкретную цель: не стесняясь в средствах, путём лжи и подтасовок, задним числом оправдать собственную деятельность (или бездеятельность). У нас в России эта позорная практика идёт со времён «Истории Свейской войны» Петра Первого.

Однако ярчайшие примеры такого «историзма» дала новейшая отечественная история. Любая бездарь, оказавшись не у дел, начинает выдавать на гора исторические труды собственного сочинения. Тут и Горбачёв, и Руцкой (и даже мальчиш-плохиш Гайдар до самой своей смерти периодически раздражался поучительными книгами типа «Дни поражений и побед» или «Гибель империи. Уроки для современной России»).

Говоря об официальной исторической науке, надо помнить, что в 1921 году в Советской России ленинским декретом историю как учебный предмет вообще было отменили. (Кто-кто, а большевики знали, как опасно историческое знание!) Принято было это решение на основании выводов учёной комиссии, куда входили «историки» типа Покровского. Что можно сказать об этом родоначальнике советской исторической школы? (Кроме того, что это был идейный большевик и убеждённый ненавистник всего русского, требовавший запретить сам реакционный термин «русская история».) Покровский был превознесён Советской властью до небес и выше. Именно его имя носил МГУ до конца 1937 года. А что хорошего можно сказать о другом «крёстном отце» советской истории — Исааке Минце?! Утверждение «новой школы» происходило в обстановке террора, русофобии и сопровождалось бегством (как вариант — изгнанием или истреблением) всей старой исторической школы. (Потом, на рубеже 20-х - 30-х годов, Советская власть её добьёт окончательно.) Последствия этого «низкого старта» сказывались на протяжении всей дальнейшей эпохи.

Со времён Сталина официальной истории (а другой в стране не было!) пришлось увязывать воедино «коня и трепетную лань» (Та сталинская установка так и не была отменена до самого крушения коммунистического режима в начале 1990-х.) Историкам были поставлены две взаимоисключающие задачи. Во-первых, их обязали «позитивно» оценивать становление, развитие, усиление (как правило — и террито-

риальное расширение) Российского государства. Они должны были доказывать, что «объективно» все это было — хорошо. Ради соответствия формулам марксистского учения «хорошо» заменили термином «прогрессивно». Во-вторых, их обязали радоваться всем успехам так называемого «освободительного движения» (то есть борьбы против Российского государства) и превозносить его участников. Сочетать эти лёд и пламень сколько-нибудь удовлетворительным образом советской исторической науке так и не удалось — несмотря на все её развитые акробатические способности.

К тому же, впоследствии, на словах открестившись от девиза Покровского «Учить истории без истории», советская наука на протяжении всего своего пути во многом оставалась верна его методу. «Историю России» с чего только ни начинали — даже с государства Урарту! (Поскольку потом, видите ли, эта территория частично совпала с территорией Армянской ССР.) Ну, правда, Сталин ту ересь использовал для давления на Турцию. А вот, скажем, историю белорусских и украинских земель — буквально замалчивали; по другому их «изучение» не назовёшь! Советская историческая наука была подобна не ботанику, изучающему растения, а девочке, гуляющей по лугу и выбирающей в свой букетик понравившиеся цветы.

Выработанный таким способом «официальный взгляд» на русскую историю (навязываемый всему обществу на протяжении десятилетий в виде учебных курсов и образовательных стандартов) — оказался безнадежно ложным и ошибочным. То, о чём рассказывали в советских букварях, как правило, просто не имело никакого отношения к реальной истории; это были какие-то «марсианские хроники». А историки-разоблачители — до сих пор не набрали необходимой «критической массы» и не разродились никакими альтернативными (правдивыми) много томниками. Их творчество всё ещё фрагментарно. Они, так сказать, наносят лишь точечные удары по особо крупным (или особо приметным) скоплениям официозной лжи.

В том числе и поэтому в советскую эпоху подспудно расцвели пышным цветом всяческие квазинаучные бредни — так как официальная наука никакого «антидота» против них не содержала. У неё был один излюбленный (потому что самый лёгкий в условиях тоталитаризма!) приём: все «неудобные» темы попросту замалчивать, «закрывать ладошкой». Поэтому когда в конце концов цензура пала — вылезшие, словно поганки после дождя, наукообразные теории не встретили со стороны официальной науки своевременного противодействия. Ибо к

такому неожиданному вызову она была элементарно не готова (и вообще думать не приучена).

Что касается самих этих скандальных исторических «версий» и «школ» (созданных по глупости, а не по злему умыслу) — то многих из них не могло возникнуть в принципе, будь их отцы-основатели (а также популяризаторы и адепты) чуть-чуть пообразованней. То, что большинство историков плохо знают историю, — печальный, но бесспорный факт. Причина возникновения почти всех одиозных исторических и этнологических концепций кроется в невежестве их разработчиков, а весь «субъективизм» той или иной исторической теории объясняется узостью той амбразуры, через которую смотрел её автор.

Как результат — на заре «свободы слова» и «плюрализма мнений» ни гумилёвщина, ни прочие русофобские и сепаратистские концепции должного отпора не получили. Его просто некому было дать. (И около полутора десятилетий игра на историческом поле шла буквально «в одни ворота».) Неизбежным следствием многолетнего тотального замалчивания стало то, что русский «державник», оснащённый классическим историческим багажом, неожиданно для себя оказался идейно безоружным.

И это — в условиях, когда «со всех сторон блокады кольцо и пушки смотрят в лицо». Наши патриоты, ошеломлённые обрушившимся на них потоком новых исторических фактов (ранее им, как правило, абсолютно незнакомых), не знают, как «держать удар» оголтелых прозападников и евразийцев с заготовленными историческими фальшивками наперевес. Ничего не поделаешь: знание — сила. Чтобы успешно отбивать вражеские идеологические наскоки, для начала надо хотя бы знать, что такое Гадячский договор или летопись Гази-Бараджа. За сколь бы правое дело ты ни стоял, но если вступишь в идеологическую схватку безоружным и бездоспешным, тебе не устоять против более подготовленного «агрессора». (Пока же эти агрессоры если и получали ответ, то весьма «асимметричный».)

4.

Всякая победа (как и поражение) творится сначала в мире идей. Тем более, что в нашу эпоху материальные ценности и научно-технические достижения быстро меняются и обновляются; одни из них — теряют актуальность и значение, другие — легко унифицируются и заимствуются.

Напротив, идейная основа любого общества (вопреки распространённому заблуждению технократов) сегодня первостепенно важна. При этом именно она является наиболее «устойчивым» фактором. Всё остальное в наш век стремительного информационно-технического прогресса — как никогда зыбко и преходяще.

Конечно, трудно спорить с убеждёнными скептиками, пребывающими в святой уверенности, что чего они не понимают, того и не существует. Однако разделять подобный «скептицизм от невежества» — это считать, что если ты не понимаешь природы электричества, то ток на тебя не подействует. Нельзя забывать и о том, что в борьбе идей, если ты сам не освоишь данное оружие, этот нож непременно всадят в тебя твои враги. Борьба на идейном фронте не прекращается никогда. Просто иногда она ведётся в одностороннем порядке. (Что ж, тем разрушительнее оказываются последствия для «пацифиста».)

Главной причиной разлитого сегодня в обществе скепсиса по отношению ко всякой идеологии вообще является многолетний диктат явно лживой, вредоносной коммунистической идеологии прошедшей эпохи. Другой — безыдейность и примитивизм мышления, свойственные «молодому капитализму» наших дней. Но, сознавая это как данность, надо помнить, что государство без идеологии — то же, что человек без цели в жизни. Без продуманной, разработанной идеологии государство не может ставить никаких стратегических задач на дальнюю перспективу — ограничиваясь мышиною вознёй, хаотичными попытками справиться со злобой дня, «перезимовать». (Не говоря уже о том, что деидеологизированное государство оказывается «непривитым» против идейных вирусов, направленных против него!)

Другой вопрос: стоит ли ломать копыя в битве с ветряными мельницами? Стоит ли тупить перья, полемизируя с фантазёрами, находящимися порой бесконечно далеко от реальной политики и от принятия властных решений (а то и вовсе неизвестными широкой публике)? Однако отечественная история знает примеры того, как быстро идеи из «области грёз» переходят в самую что ни на есть злободневную реальность. Скажем, идеология большевизма, который представлял собой крайне левое течение в стане оппозиции и был представлен небольшой группкой маргиналов-подпольщиков. И мало кто году так в 1916-м мог предположить, что через год в руках у этой кучки маньяков окажется вся Россия! (С другой стороны, любая идея — «безвредна», пока не нашла своего «массового потребителя».)

Сегодняшний аполитизм российского общества – явление временное. Подлинная проблема не в нём, а в том, чтобы к моменту пробуждения в обществе политической активности ему было что предложить. Ибо русскому национальному сознанию надо найти верный путь в современном море идей, пройдя между Сциллой денационализации, глобализации и евроцентризма и Харибдой шовинизма и узкого этнического национализма.

Пока же ситуация такова, что отдельные крупницы правды, швыряемые друг в друга идеологическими оппонентами, порождают в ответ столь же «точечные» разоблачения и открытия – при том, что корневые основы учения ложны у тех и у других. (Словами покойного либерала Шмемана с радио «Свобода» – «правые в своём отвержении тупиков, мы бессильны в утверждении и в свидетельстве».) В любом случае, нет заблуждения горше и отвратительней, чем то, которым испокон веков страдают наши трезвомыслящие скептики: мол, беда русских состоит в том, что они вечно увлечены идеей – вместо того чтобы просто работать. «Просто работать» – это, конечно, мечта. Мечта рабовладельца. Действительно, какой рабовладелец откажется от безыдейных подопечных (которые, к тому же, добросовестны и трудолюбивы)?

Поэтому на сегодня первоочередной задачей является выработка идеологии – то есть той программы, которая завтра должна стать руководством к действию. Именно как кирпичик в это возводимое здание и мыслится предлагаемая работа.